

УДК 32.019.51

КОГНИТИВНЫЕ ВОЙНЫ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ОБЩЕСТВА И ГОСУДАРСТВА*

А. В. Курочкин

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9
Институт научной информации по общественным наукам РАН,
Российская Федерация, 117418, Москва, Нахимовский пр., 51/21

С. В. Емельянов

Национальный драматический театр России (Александринский),
Российская Федерация, 191023, Санкт-Петербург, пл. Островского, 6

В условиях кардинальных цифровых трансформаций экономики, социокультурной среды, процессов принятия и имплементации политических и административных решений возникает целый ряд новых, невиданных ранее вызовов и рисков, которые в значительной мере влияют на когнитивные способности человека, меняют его образ мышления и привычные модели принятия решений. Особую актуальность исследование таких изменений приобретает в случае анализа инструментов, технологий и стратегий ведения информационных, психологических, ментальных, когнитивных войн, в полной мере использующих арсенал, предоставляемый цифровой революцией. Цель данного исследования — проанализировать отличительные особенности когнитивных войн (как наиболее молодой разновидности не кинетических войн), выявить их потенциал и цели с точки зрения дестабилизации общественного сознания, а также определить, какое место в этом анализе может занять коммуникативная эффективность. Особое значение авторы уделили анализу неустойчивости и неопределенности социально-политической среды как главному источнику психоэмоциональной неуверенности граждан и ее деструктивным последствиям. Сделаны выводы о необходимых методологических основаниях анализа механизмов ведения когнитивных войн и разработки эффективных превентивных стратегий.

Ключевые слова: цифровизация, четвертая промышленная революция, цифровой суверенитет, кинетические войны, когнитивная война, коммуникативная эффективность, неопределенность.

ВВЕДЕНИЕ

Цифровая трансформация всех сфер общественной жизни вкупе с небывалым по своей динамике и разнообразию направлений в ходе четвертой промышленной революции научно-технологическим развитием ежегодно сокращают

---

* Исследование выполнено в рамках темы «Когнитивная война в условиях глобальной цифровизации: практики и перспективы» №123091200077-6 при поддержке Минобрнауки в ИНИОН РАН.

возможности прогнозирования и стратегического планирования социально-экономического, политического и культурного развития, кардинальным образом трансформируют привычную нам еще вчера реальность социального мира.

Весьма показательно, что ровно тридцать лет назад, на заре интернета, в значительно менее динамичных, чем сегодня, условиях научно-технологического и экономического развития американский экономист Питер Вейлл писал: «Перед нами не просто возникают проблемы. Они развиваются в совершенно новых условиях. Двадцать лет назад Эмери и Трист писали, что в изменяющейся окружающей среде “сама почва движется”. В этом образе схвачена сама суть изменчивости окружающего мира, неустойчивого до такой степени, что мы не можем рассчитывать на его стабильность, даже на период реализации уже принятых решений» [Вейлл, 1993, с. 16].

Очевидно, что тридцать лет спустя острота и актуальность данного тезиса умножились кратно. Отсюда одной из ключевых задач как корпоративного, так и политического менеджмента становится поиск возможных инструментов и методов управления в новых условиях цифрового развития.

Безусловно, признавая значительные позитивные сдвиги, происходящие сегодня в сфере производства услуг, усложнение структуры экономики и рост качества жизни населения (по крайней мере, в сервисном отношении), необходимо также учитывать и те вызовы и риски, которые влечет за собой глобальная цифровизация. Они возникают практически повсеместно и затрагивают все направления жизнедеятельности как общества, так и государства. Речь идет о качественной трансформации рынка труда, заключающейся в изменении профессиональной структуры, повсеместном распространении новых (частичных) форм занятости, прекаризации и уберизации труда, кардинально меняющих суть отношений между работниками и работодателями, утратой в значительной степени социальной защищенности первых.

Практически всеми экспертами признается растущая актуальность проблемы исключения, выдавливания человека не только из процесса производства, но и, благодаря технологиям искусственного интеллекта, из процесса интеллектуального труда, влекущая за собой совершенно новые экономические, социальные и культурные проблемы развития человечества.

Еще один проблемный блок заключается в усугубляющейся утрате контроля за процессом технологического развития и его результатами. Рыночный (корпоративный) механизм регулирования очевидно оказывается не просто недостаточным, но и в целом ряде случаев неэффективным в отношении получаемых в конечном итоге прямых и косвенных общественных результатов такого развития. В свою очередь государственное регулирование инновационных процессов оказывается на сегодняшний день безусловно необходимой, но слишком неповоротливой и слабоэффективной с прогностической точки зрения формой регулирования, способной обеспечить в лучшем случае рамочные нормативно-правовые границы такого развития и попытаться предотвратить критические по своим последствиям результаты научно-технологической революции.

Следующий вызов — это постоянно увеличивающийся цифровой разрыв в географической (между макрорегионами и национальными государствами),

а также в социально-демографической (между поколениями и иными крупными социальными группами) плоскости.

Помимо компетентностного, психологического и уже значительно менее актуального для большинства стран мира инфраструктурного компонента, цифровой разрыв может быть верифицирован в аспекте ослабления либо утраты цифрового суверенитета и, соответственно, роста угрозы цифрового империализма.

КОГНИТИВНАЯ ВОЙНА: ОТЛИЧИТЕЛЬНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ И ОСОБЕННОСТИ ВЕДЕНИЯ

С угрозой утраты цифрового суверенитета напрямую связаны вызовы, которые несут с собой новые формы ведения войн: информационные, организационные, консьциентальные, ментальные, когнитивные и пр. Все эти формы войны объединяет один существенный признак: они являются либо альтернативой либо дополнением к традиционному формату ведения войны — «горячим», или кинетическим, войнам, которые предполагают физическое воздействие/поражение живой силы и материальной инфраструктуры противника. (Сам термин происходит от понятия «кинетическая энергия». Он получил распространение в США в конце 1990-х — начале 2000-х годов с легкой руки министра обороны Дональда Рамсфельда, часто использовавшего его в качестве альтернативы «кибервойнам», только начинавшим разворачиваться тогда в мире см., напр.: [Noah, 2002].) Безусловно, современные кинетические войны также предполагают самое широкое использование цифровых технологий и всех достижений четвертой промышленной революции, но их главная характеристика, повторим, — нанесение материального урона противнику, в то время как прочие формы войн, о которых речь пойдет ниже, предполагают воздействие на умы, что в последующем может повлечь за собой не менее разрушительные материальные последствия (например, путем совершения массовых террористических актов после оказания соответствующего психологического воздействия). Рассмотрим подробнее отличительные характеристики различного рода некинетических войн.

Общим местом для них всех является стремление изменить либо предопределить поведение отдельных индивидов или социальных групп путем воздействия на различные этапы процесса принятия решений, в то время как ключевой задачей кинетических войн является достижение физической невозможности субъекта (гибели или увечий) принимать решения и действовать.

Пожалуй, самым молодым форматом некинетических войн является когнитивная война. Популяризацию данной дефиниции связывают с исследованием специальным аналитическим подразделением Инновационным хабом НАТО (Innovation hub of NATO) новых методов ведения войны в условиях цифровых трансформаций экономики, политики и социальной сферы общества, практическим результатом которой стало появление в 2020 г. аналитического доклада «Ведение когнитивной войны» (Cognitive Warfare)¹.

---

¹ Следует отметить, что в научной литературе и публицистике данный термин встречался и ранее. Так, в 2019 г. была выпущена монография Г. Г. Почепцова «Когнитивные войны в соц-медиа, массовой культуре и массовых коммуникациях» [Почепцов, 2019].

В данном докладе были изложены общие концептуальные характеристики и принципы новой формы ведения войн, что послужило дальнейшему распространению данного концепта в публичном пространстве и последующему его широкому обсуждению. В частности, «гуманисты» из НАТО отмечают, что «человек очень часто является главной уязвимостью, и это следует признать не только для защиты человеческого капитала стран НАТО, но и для того, чтобы иметь возможность извлекать выгоду из уязвимостей наших противников» [Northon, 2021, p. 3]. В докладе прямо подчеркнуто, что «цель когнитивной войны — нанести вред обществу, а не только военным» [Northon, 2021, p. 3]. То есть исследование возможных технологий и стратегий ведения когнитивных войн имеет не только чисто научное, теоретическое значение, но огромную прикладную значимость для обеспечения обороноспособности государства и защиты его суверенитета. Американский исследователь Бен Нортон подчеркивает, что «развитие НАТО когнитивной войны приведет к милитаризации всех аспектов человеческого общества и психологии, от самых интимных социальных отношений до мыслительной деятельности мозга» [Northon, 2021, p. 4]. Он также особо отмечает «параноидальный характер» данного доклада, что, в частности, проявляется в том, что «представители военного картеля НАТО все чаще рассматривают свое собственное население как угрозу, опасаясь, что гражданское население может стать потенциальными спящими китайскими или российскими ячейками, подлыми «пятыми колоннами», которые бросают вызов стабильности «западных либеральных демократий» [Northon, 2021, p. 4] и где «каждый, без его или ее ведома, ведет себя в соответствии с планами одного из наших конкурентов» [Northon, 2021, p. 5].

Необходимо отметить, что, несмотря на широкое распространение этого термина в публицистике и высокий общественный интерес, научных исследований, непосредственно посвященных анализу феномена «когнитивных войн», крайне мало (что, скорее всего, вызвано как раз молодостью самого концепта). Среди русскоязычных источников можно отметить монографию Г. Г. Почепцова [Почепцов, 2019], статьи А. Н. Медушевского [Медушевский, 2023] и А. П. Алексеева, И. Ю. Алексеевой [Алексеев, Алексеева, 2021], а также публикацию Е. Б. Макарова [Макаров, 2022].

В англоязычной литературе отметим статьи: А. Бернала, К. Картера, И. Сингха, О. Мадреперла [Bernal et al., 2020; Bernal et al., 2021], Э. Бьенвеню, З. Роджерса, С. Троата [Bienvennue, Rogers, Troath, 2019], Л. Бьоргула [Bjorgul, 2021], Б. Клаверье, Ф. дю Клузеля [Claverie, du Cluzel, 2022] и др. Явная недостаточность научной проработки как самого концепта когнитивной войны, так и стратегий и технологий ее ведения, лишний раз свидетельствует о своевременности обращения к проблематике когнитивных войн и ее актуальности.

В определении феномена «когнитивная война» на сегодняшний день сформировалось определенное единство мнений о том, что это, во-первых, целенаправленное воздействие на когнитивные способности и процессы, а во-вторых, оно всегда связано с переформатированием/подменой ценностных и институциональных координат, в которых индивид принимает решение и действует. Так, Клаверье и дю Клузель определяют когнитивные войны как особый тип во-

йны — ее «неконвенциональную форму, которая использует кибернетические инструменты для изменения когнитивного процесса противника, эксплуатируя ментальные наклонности или рефлексивное мышление и вызывая умственные расстройства, имеет целью оказать влияние на процесс принятия решений и деятельность с негативным результатом как на индивидуальном, так и на коллективном уровне» [Claverie, du Cluzel, 2022] (цит. по: [Медушевский, 2023, с. 87]).

ВЛИЯНИЕ ПРОЦЕССА ЦИФРОВИЗАЦИИ НА ИНСТРУМЕНТЫ И СТРАТЕГИЮ КОГНИТИВНОЙ ВОЙНЫ

Как уже было отмечено выше, цифровизация социальных коммуникаций в целом и в частности внедрение социальных медиа и мессенджеров во все сферы нашей жизни способствовали изменению когнитивных процессов, особенно у молодого поколения. Прежде всего эти изменения связывают с феноменом так называемого клипового мышления, предполагающего значительную «экономия» на рефлексии и рациональном анализе ситуаций за счет стремления к лапидарности получаемой информации и визуализации контента. Другим связанным эффектом этого феномена является так называемое медленное мышление: «Скорость сообщений, необходимость быстро на них реагировать побуждает “думать быстро” (реактивно и эмоционально) вместо того, чтобы “думать медленно” (рационально и благоразумно). Даже авторитетные новостные издания теперь помещают эмоциональные заголовки, чтобы обеспечить вирусоподобное распространение своих новых статей. Люди тратят меньше времени на чтение статей, чем на их распространение. Опускаются важные контексты и нюансы. Преднамеренно и непреднамеренно распространяются неверные истолкования информации. Краткость постов в социальных медиа в сочетании с эффектными визуальными образами затрудняет понимание читателем мотивов и ценностей других людей» [John Hopkins..., 2021] (цит. по: [Алексеев, Алексеева, 2021, с. 48–49]).

Следует отметить, что основной причиной реактивных, эмоциональных, иногда интуитивных реакций и решений является не леность мышления (во всяком случае, далеко не всегда), а скорость изменения условий, в которых эти решения должны быть приняты.

Кроме эффектов цифровизации и медиатизации нашей жизни, безусловно оказывающих на мыслительные процессы огромное влияние, необходимо отметить, что процесс принятия решений, вне зависимости от их сложности и самого субъекта принятия, в реальной жизни практически никогда не является абсолютно рациональным и отрефлексированным. Нобелевский лауреат Г. Саймон точно и убедительно отразил этот феномен в предложенной им теории ограниченной рациональности, ключевая предпосылка которой предлагает «заменить глобальную рациональность экономического человека таким видом рационального поведения, который совместим с доступом к информации и вычислительными возможностями, которыми фактически обладают организмы, включая человека, в тех условиях, в которых такие организмы существуют» [Stanford Encyclopedia..., 2021].

Но в любом случае ограниченную рациональность, быстроту, клиповость мыслительного процесса современного человека прекрасно используют технологи когнитивных войн, для которых и визуализация доносимой информации и ее лапидарное, скупое содержание являются крайне удобным инструментом влияния, в том числе и на сам процесс принятия решений.

Особое значение приобретают здесь возможная модель и критерии оценки эффективности политических коммуникаций в сетевом пространстве, особенно в аспекте превенции угроз когнитивной войны. Данная задача не может быть признана решенной в рамках политической коммуникативистики или политической конфликтологии, однако ряд общих принципов все же можно предложить уже сегодня. Отправной точкой должен стать тезис о недостаточности или даже невозможности использования рыночных инструментов и показателей оценки эффективности коммуникаций и координации взаимодействий: «Маркетинговый, или рыночный, подход к анализу коммуникаций, какая бы подробная система оценки при этом ни применялась, сводится к подсчету конечной прибыли, полученной после использования различных коммуникативных приемов и техник в социальных сетях. Механизмом координации взаимодействий в данном случае выступает рынок. Когда мы имеем дело с общественно-политическими коммуникациями, подобный подход невозможен. Даже если заменить получаемую прибыль, например, голосами избирателей, рыночный механизм координации взаимодействий здесь не работает (во всяком случае, тем же образом, что и в экономике)» [Курочкин, 2023, с. 50].

В качестве одного из возможных выходов может быть предложено использование в качестве методологического основания системы оценки эффективности общественно-политических коммуникаций различной природы концепта «коммуникативная эффективность». Данный концепт определяется автором как «результатирующая минимизации транзакционных издержек коммуникативного взаимодействия» [Курочкин, 2023, с. 50]. Его использование как базового в системе оценки эффективности информационного воздействия, в том числе и на когнитивную сферу, позволит «провести анализ качественного распределения коммуникативного воздействия в группах и сообществах сети, осуществить оценку возможностей распределенного решения (за счет анализа эффекта синергии и группового опыта), вычленив множественность потенциальных сценариев развития информационного поля, определить пул участников сетевой коммуникации с наибольшим потенциалом воздействия в рамках определенной повестки и дифференцировать наиболее эффективные способы воздействия» [Курочкин, 2023, с. 50].

Основной фактор, влияющий на коммуникативную эффективность, — это контекстуальная неопределенность взаимодействия. Именно неопределенность оказывается одним из ключевых источников негативного психоэмоционального состояния, невозможности планирования и в конечном счете отказа от принятия решений и дальнейших действий. Преобразование неопределенности, конституирование порядка (возможно, и мифического) — одна из главных целей социальной коммуникации и социального действия как такового. Именно в таком ключе его рассматривает классик французского нового институциона-

лизма (теории согласований) Лоран Тевено: «...люди каким-то образом просто организуют неопределенность. Организуют, чтобы с ней можно было работать. По-моему, в этом и заключается различие между риском и неопределенностью, о котором говорил Фрэнк Найт [Frank Knight]. Риск — это результат преобразования неопределенности и приведения ее к измеряемому состоянию. ...Думаю, понятие конвенции как раз является достаточно общим и гибким для того, чтобы точно поставить вопрос: как люди организуют неопределенность таким образом, что в их распоряжении оказывается некоторая схема, в рамках которой они пытаются осуществлять координацию? И опять-таки неопределенность — это еще не конец истории. Она не исчезает вовсе, просто люди пытаются укротить ее, заменяя ее схемами» [Французская школа..., 2006, с. 10].

Таким образом, одной из ключевых задач когнитивной войны можно назвать максимизацию неопределенности социокультурной, экономической, политической среды, слом привычного для человека контекста принятия решений. При этом актуальной, безусловно, остается и одна из ключевых целей информационной войны — формирование ложного контекста, направляющего процесс принятия решений в нужное агрессору русло.

Если использовать рассмотренную выше дефиницию коммуникативной эффективности, то можно сформулировать магистральную стратегию ведения когнитивной войны следующим образом: обеспечить искусственное формирование такой информационной среды или контекста, в котором человек будет вынужден выбирать решения, минимизирующие его транзакционные издержки, либо отказываться от решений вовсе. При этом избираемые им решения, очевидно, должны быть заведомо выгодны субъекту, ведущему когнитивную войну. Подчеркнем еще раз, что в условиях распространения клипового, быстрого мышления сделать это оказывается существенно проще. Здесь нельзя также исключать и материального (физического, биологического или химического) воздействия на психику и когнитивные способности людей. Однако пока такое воздействие имеет сугубо локальный характер с плохо прогнозируемыми последствиями.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итог, можно резюмировать следующие принципы и особенности стратегий и технологий ведения когнитивной войны, отличающие данный тип войны от прочих.

Во-первых, когнитивная война всегда имеет дело с влиянием на процесс принятия решений и последующего воплощения его в действиях индивида или группы. Это влияние оказывается на когнитивные способности и мыслительные модели индивида путем переформатирования базовой системы приоритетов (переоценки ценностей и разрушения институтов) и создания убедительной (но по сути ложной) системы одобрения/порицания со стороны значимого Другого.

Во-вторых, когнитивная война всегда носит комплексный характер, сочетая в себе элементы всех других некинетических войн. Следовательно, ведение когнитивной войны предполагает наличие максимального разнообразия компетенций: от общей психологии, социологии и когнитивистики до работы

с большими данными, технологиями искусственного интеллекта, визуализации контента и многого другого. Только комплексность и сетевой характер применения всего арсенала воздействия могут обеспечить позитивный для субъекта, ведущего войну, результат. Этот же фактор должна учитывать и защищающаяся от когнитивной агрессии сторона.

Наконец, в-третьих, в качестве методологического основания анализа стратегий когнитивной войны может выступать социальная синергетика, а именно ее ключевой принцип перехода системы в качественно иное состояние через точки бифуркации. Используемый в синергетике для доказательства возможности усложнения систем любой природы в условиях неравновесности постулат в данном случае может быть истолкован в противоположном ключе. Когнитивная система выводится за пределы определенности и равновесного состояния, с тем чтобы путем сравнительно небольших и малозатратных воздействий (флуктуаций) привести ее к разрушению или деградации, т.е. переходу на качественно более низкий (легко управляемый извне) уровень развития.

Литература

Алексеев А. П., Алексеева И. Ю. Цифровизация и когнитивные войны // *Философия и общество*. 2021. Вып. 4 (101). С. 39–51.

Вейлл П. *Искусство менеджмента: Новые идеи для мира хаотических перемен* / пер. с англ. М.: Новости, 1993. 220 с.

Курочкин А. В. Проблема оценки эффективности политических коммуникаций в социальных медиа // *Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС*. 2023. Т. 19, № 1. С. 49–57.

Макаров Е. Б. Ментальные и когнитивные войны: вопросы определения, цели и средства. 28.10. 2022. URL: <https://dzen.ru/media/id/5f54f367fdbd8b69779a4b6d/mentalnaia-i-kognitivnaia-voiny-v> (дата обращения: 20.09.2023).

Медушевский А. Н. Когнитивная война: социальный контроль, управление сознанием и инструмент глобального доминирования. Часть 1 // *Вопросы теоретической экономики*. 2023. № 2. С. 85–98.

Почепцов Г. Г. *Когнитивные войны в соцмедиа, массовой культуре и массовых коммуникациях*. М.: ОМКО, 2019. 390 с.

Французская школа конвенций и координация экономического действия. Интервью с Лораном Тевено // *Экономическая социология*. 2006. Т. 7, № 1. С. 6–13.

Bernal A., Carter C., Singh I., Cao K., Madreperla O. *Cognitive Warfare. An Attack on Truth and Thought*. 2021. URL: <https://www.innovationhub-act.org/sites/default/files/2021-03/Cognitive%20Warfare.pdf> (дата обращения: 20.09.2023).

Bernal A., Carter C., Singh I., Cao K., Madreperla O. *Cognitive Warfare: An Attack on Truth and Thought*. 2020. URL: <https://www.innovationhub-act.org/sites/default/files/2021-03/Cognitive%20Warfare.pdf> (дата обращения: 20.09.2023).

Bienvenue E., Rogers Z., Troath S. *Cognitive Warfare is the Fight we've got and we must reorientate to meet this Challenge*. 2019. URL: <https://cove.army.gov.au/article/cognitive-warfare> (дата обращения: 20.09.2023).

Bjorgul L. *Cognitive Warfare and the Use of Force* // *Stratagem*. 3.11.2021. URL: <https://www.stratagem.no/cognitive-warfare-and-the-use-of-force/> (дата обращения: 20.09.2023).

Cao K., Glaister S., Pena A., Rhee D., Rong W., Polavino A., Bishop S., Khanna R., Singh Saini J. *Countering Cognitive Warfare: Awareness and Resilience*. 20.05.2021. URL: <https://www.nato.int/docu/review/articles/2021/05/> (дата обращения: 20.09.2023).

Claverie B. What is Cognition? And How to Make it one of the Ways of the War? NATO-CSO-CW 2022-03-01. URL: <https://hal.science/hal-03635907v1/file/NATO-CSO-CW%202022-03-01%20%28US%29%20Claverie.pdf> (дата обращения: 20.09.2023).

Claverie B., du Cluzel F. The Cognitive Warfare Concept. 2022. URL: https://2050.su/wp-content/uploads/bg_forreaders/the-cognitive-warfare-concept_570.pdf (дата обращения: 20.09.2023).

John Hopkins University & Imperial College London. Countering Cognitive Warfare: Awareness and Resilience: NATO Review. 2021. May 20. URL: <https://www.nato.int/docu/review/articles/2021/05/20/countering-cognitive-warfare-awareness-and-resilience/index.html> (дата обращения: 10.10.2023).

Noah T. Birth of a Washington Word. When warfare gets “kinetic”. 20 November. 2002. URL: <https://slate.com/news-and-politics/2002/11/kinetic-warfare.html> (дата обращения: 10.10.2023)

Northon B. Behind NATO's 'cognitive warfare': 'Battle for your brain' waged by Western militaries. URL: <https://thegrayzone.com/2021/10/08/nato-cognitive-warfare-brain/> (дата обращения: 12.10.2023).

Stanford Encyclopedia of Philosophy. URL: <https://plato.stanford.edu/entries/bounded-rationality/> (дата обращения: 12.11.2023).

Курочкин Александр Вячеславович — д-р. полит. наук, проф., ст. науч. сотр.; alexkur@bk.ru

Емельянов Сергей Витальевич — theatre@alexandrinsky.ru

Статья поступила в редакцию: 8 мая 2023 г.;

рекомендована к печати: 26 февраля 2024 г.

Для цитирования: Курочкин А. В., Емельянов С. В. Когнитивные войны в условиях цифровой трансформации общества и государства // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2024. Т. 20, № 2. С. 328–338. <https://doi.org/10.21638/spbu23.2024.213>

COGNITIVE WARS IN THE CONDITIONS OF DIGITAL TRANSFORMATION OF SOCIETY AND THE STATE*

Alexander V. Kurochkin

St. Petersburg State University,

7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation; alexkur@bk.ru

Department of Political Science Institute of Scientific Information

for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences,

51/21, Nakhimovsky pr., Moscow, 117418, Russian Federation

Sergey V. Emelyanov

National Drama Theatre of Russia (Alexandrinsky Theatre),

6, pl. Ostrovskogo, St. Petersburg, 191023, Russian Federation; theatre@alexandrinsky.ru

In the conditions of cardinal digital transformations of the economy, the socio-cultural environment, the processes of making and implementing political and administrative decisions, a number of new, previously unseen challenges and risks arise that significantly affect a person's cognitive abilities, change his way of thinking and habitual decision-making models. The study of such changes becomes particularly relevant in the case of an analysis of tools, technologies and strategies for conducting information, psychological, mental, cognitive wars that fully utilize the arsenal provided by the digital revolution. The main goal of this study is to analyze the distinctive features of cognitive wars (as the youngest kind of

---

* The research was carried out within the framework of the topic "Cognitive warfare in the context of global digitalization: practices and prospects" no. 123091200077-6 with the support of the Ministry of Education and Science at INION RAS.

non-kinetic wars), to identify their potential and goals from the point of view of destabilizing public consciousness, as well as to determine what place communicative effectiveness can take in this analysis. The author paid special attention to the analysis of instability and uncertainty of the socio-political environment as the main source of psychoemotional uncertainty of citizens and its destructive consequences. Conclusions are drawn about the necessary methodological foundations for analyzing the mechanisms of conducting cognitive wars and developing effective preventive strategies.

Keywords: digitalization, the Fourth industrial revolution, digital sovereignty, kinetic wars, cognitive warfare, communicative efficiency, uncertainty.

References

- Alekseev A. P., Alekseeva I. Yu. Digitalization and cognitive wars. *Philosophy and Society*, 2021, iss. 4 (101), pp. 39–51. (In Russian)
- Bernal A., Carter S., Singh I., Kao K., Madreperla O. *Cognitive warfare in the fall of 2020. An attack on Truth and thought*. 2021. Available at: <https://www.innovationhub-act.org/sites/default/files/2021-03/Cognitive%20warfare.pdf> (accessed: 20.09.2023).
- Bernal A., Carter S., Singh I., Kao K., Madreperla O. *Cognitive Warfare: An Attack on Truth and Thinking*. 2020. Available at: <https://www.innovationhub-act.org/sites/default/files/2021-03/Cognitive%20Warfare.pdf> (accessed: 20.09.2023).
- Bienvenu E., Rogers Z., Troat S. *Cognitive warfare is a struggle that we are fighting, and we need to reorient ourselves to cope with this challenge*. 2019. Available at: <https://cove.army.gov.au/article/cognitive-warfare> (accessed: 20.09.2023).
- Bjoergul L. Cognitive warfare and the use of force. *Stratagem*, 2021, November 3. Available at: <https://www.stratagem.no/cognitive-warfare-and-the-use-of-force/> (date of access: 20.09.2023).
- Cao K., Glaister S., Pena A., Ri D., Rong V., Polavolino A., Bishop S., Khanna R., Singh Saini J. *Countering cognitive warfare: awareness and resilience*. 2021, May 20. Available at: <https://www.nato.int/docu/review/articles/2021/05> (accessed: 20.09.2023).
- Claverie B. *What is cognition? And how to make this one of the ways of waging war?* NANO-CSD-CW-2022-03-01. Available at: <https://hal.science/hal-03635907v1/file/NATO-CSO-CW%202022-03-01%20%28US%29%20Claverie.pdf> (accessed: 20.09.2023).
- Clavery B., du Cluzel F. The concept of cognitive warfare. 2022. Available at: https://2050.su/wp-content/uploads/bg_forreaders/the-cognitive-warfare-concept_570.pdf (accessed: 20.09.2023).
- Johns Hopkins University and Imperial College London. *Countering Cognitive Warfare: Awareness and Resilience: NATO Review*, 2021, May 20. Available at: <https://www.nato.int/docu/review/articles/2021/05/20/countering-cognitive-warfare-awareness-and-resilience/index.html> (accessed: 10.10.2023).
- Kurochkin A. V. The problem of evaluating the effectiveness of political communications in social media, *Political expertise: POLITEX*, 2023, vol. 19, no. 1, pp. 49–57. (In Russian)
- Makarov E. B. *Mental and cognitive wars: issues of definition, goals and means*. 28.10.2022. Available at: <https://dzen.ru/media/id/5f54f367fdbd8b69779a4b6d/mentalnaia-i-kognitivnaia-voiny-v> (accessed: 20.09.2023). (In Russian)
- Medushevsky A. N. Cognitive warfare: Social control, mind control and a tool of global domination. Part 1. *Issues of Economic Theory*, 2023, no. 2, pp. 85–98. (In Russian)
- Noah T. *The Birth of the Washington Word. When the war becomes “kinetic”*, 2002, November 20. Available at: <https://slate.com/news-and-politics/2002/11/kinetic-warfare.html> (accessed: 10.10.2023)
- Norton B. *Behind NATO’s “Cognitive War”: The “Battle for Your Brain” waged by the Western Military*. Available at: <https://thegrayzone.com/2021/10/08/nato-cognitive-warfare-brain> (accessed: 12.10.2023)
- Pocheptsov G. G. *Cognitive wars in Sweden, mass culture and mass humorist*. Moscow: OMIKO Publ., 2019. 390 p. (In Russian)

Stanford Encyclopedia of Philosophy. Available at <https://plato.stanford.edu/entries/bounded-rationality> (accessed: 12.11.2023)

The French School of Conventions and Coordination of Economic Action. Interview with Laurent Thevenot. *Economic sociology*, 2006, vol. 7, no. 1, pp. 6–13. (In Russian)

Weill P. *The Art of Management: New ideas for the world of chaotic changes*, trans. from English. Moscow: Novosti Publ., 1993. 220 p. (In Russian)

Received: May 8, 2023

Accepted: February 26, 2024

For citation: Kurochkin A. V., Emelyanov S. V. Cognitive wars in the conditions of digital transformation of society and the state. *Political Expertise: POLITEX*, 2024, vol. 20, no. 2, pp. 328–338. <https://doi.org/10.21638/spbu23.2024.213> (In Russian)